

УДК 343.123
ББК 67.411
Д68

Редакционная коллегия:

кандидат юридических наук,
доцент *О.В. Рожко* (ответственный редактор);
кандидат юридических наук *И.Г. Мухин*
(заместитель ответственного редактора);
кандидат юридических наук *И.А. Горвая*;
кандидат юридических наук, доцент *П.В. Гридюшко*;
кандидат юридических наук *В.А. Чванкин*

Д68 Досудебное производство по материалам и уголовным делам: состояние, проблемы и перспективы : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 29 мая 2014 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: О.В. Рожко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 203, [1] с.

ISBN 978-985-427-866-7.

Рассматриваются актуальные проблемы применения закона при производстве по материалам и уголовным делам, предварительного расследования уголовных дел по отдельным видам преступлений.

Предназначено для научных сотрудников, профессорско-преподавательского состава, альюнктов (аспирантов), лиц, обучающихся на юридических факультетах учреждений высшего образования, сотрудников правоохранительных органов.

УДК 343.123
ББК 67.411

ISBN 978-985-427-866-7 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2014

в совершении преступления, которая находит свое отражение в процессуальных актах: постановлении о признании подозреваемым, постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, приговоре суда. Вполне очевидно, что незаконность уголовного преследования либо осуждения в части обвинения (подозрения) за преступление, в совершении которого лицо невиновно, означает в определенной мере незаконность уголовно-процессуального воздействия. Однако следует учитывать, что компенсационно-восстановительные правомочия должны возникать только в том случае, когда указанный вред не поглощается законными правоограничениями или лишениями, которые лицо несет в связи с признанием его виновным в оставшейся части обвинения.

Исходя из изложенного, полагаем, что основанием возникновения права на реабилитацию должно выступать уголовное преследование либо осуждение, незаконное в какой-либо части. При этом объем исследуемых компенсационно-восстановительных правомочий следует ограничить только тем вредом, который причинен именно в результате уголовного преследования или осуждения, являющегося в какой-либо части незаконным, и не должен поглощаться степенью действительной ответственности лица.

УДК 343

С.Б. Россинский

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО СПОСОБА ПОЗНАНИЯ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Одним из видов доказательств, формируемых в ходе досудебного производства по уголовному делу, являются протоколы следственных действий. Как отмечается в многочисленных литературных источниках, эти доказательства сопряжены с непосредственным восприятием дознавателем или следователем сведений, имеющих значения для уголовного дела. В протоколах фиксируются сведения о ходе и результатах осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и некоторых других следственных действий. С подобной позицией трудно не согласиться. Однако в ней все же есть одно достаточно уязвимое место. Дело в том, что в результате следственных действий формируются не только протоколы, но и иные виды доказательств. Например, показания представляют собой результаты допроса или очной ставки, экспертное заключение формируется в результате проведения судебной экспертизы и т. д.

Большинство авторов, касающихся данной проблематики, приводят перечень конкретных следственных действий, обуславливающих появ-

ление протоколов как самостоятельного вида доказательств. Однако эта позиция имеет один существенный недостаток. Он заключается в том, что некоторые следственные действия, на наш взгляд, имеют двойственную познавательную природу; они способны обуславливать формирование не одного, а двух различных видов доказательств. Наглядным примером такого следственного действия может служить предъявление для опознания, результаты которого специалисты традиционно относят к протоколам. Однако по своей сути предъявление для опознания наряду с этим одновременно направлено и на получение специфических показаний, заключающихся в пояснении опознающим лицом обстоятельств, при которых он наблюдал опознаваемый объект, и признаков, по которым было проведено опознание. Кстати, этот факт прямо подтверждает обязанность следователя (дознателя) перед опознанием предупредить опознающего свидетеля или потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний.

Итак, в настоящее время назрела необходимость определения какого-то единого критерия, позволяющего правильно уяснить сущность доказательств протоколов следственных действий и отграничить их от других средств установления истины: показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т. д. Отдельные попытки формулирования таких критериев уже известны науке уголовного процесса. Однако, по нашему мнению, они могут претендовать лишь на роль частных вариантов решения данной проблемы, но никак не на роль единого критерия.

Позволим себе предположить, что на самом деле истоки подобного критерия необходимо искать в особенностях способа уголовно-процессуального познания, используемого при формировании протоколов следственных действий. Причем под способом познания в данном контексте мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей восприятия дознавателем и следователем обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующего доказательственного гнозиса, т. е. мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу.

Некоторое время назад нами было проведено небольшое исследование, направленное на познание таких закономерностей, результаты которого позволили выявить и обосновать два основных способа уголовно-процессуального познания – вербальный и невербальный. Последний способ, несомненно, связан со зрительным (иногда иным) восприятием материальных элементов объективной реальности. Так, взаимодействуя с материальным объектом, сенсорная система по-

знающего чувствует и воспринимает его реальный образ. В психологии по этому поводу даже существует специальный термин – «наглядно-образное мышление». А познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов.

Схема уголовно-процессуального познания, сопряженного с восприятием материальных объектов познания, нам представляется следующим образом. Дознаватель или следователь зрительно (в исключительных случаях – посредством иных органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной действительности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный перцепт. Далее на основании этого перцепта в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания. И лишь затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в соответствующий протокол следственного действия. Следовательно в протоколе в отличие от вербальных способов познания отражается уже не перцепт, а вербальная форма выражения мысленных образов, созданных в сознании дознавателя или следователя.

Таким образом, подобный способ познания характеризуется одним существенным признаком. При формировании мысленных образов, используемых для установления обстоятельств уголовного дела, не задействованы вербальные функции передачи и восприятия информационных сигналов. Поступающие сведения преимущественно имеют наглядно-образное содержание, а в редких случаях – выражены в виде иных образов: акустических, тактильных, запаховых и др. Иными словами, в его основе лежат невербальные сигналы.

Именно поэтому мы предлагаем называть такой способ уголовно-процессуального познания невербальным, понимая под ним механизмы формирования мысленных образов, основанных на чувственном (наглядно-образном) перцепте. Термин «невербальный» в данном случае используется в широком смысле и подразумевает оперирование не только зрительными, а всеми сведениями, не выраженными в вербальной (интеллектуально-сигнальной) форме.

Невербальный способ познания обстоятельств уголовного дела имеет свои преимущества и недостатки. Так, его преимуществами, несомненно, являются первичный объективизм фрагментов реальности, элементов вещной обстановки, попадающих в непосредственное поле зрения дознавателя или следователя, а кроме того, наглядно-образный характер перцепта, выступающего основой для формирования соответствующих мысленных образов. К недостаткам невербального познания

следует отнести относительную невоспроизводимость полученных доказательств и определенную субъективность результатов соответствующих следственных действий.

Итак, возвращаясь к проблеме единого критерия для определения сущности протоколов следственных действий, позволим высказать предположение, что этим единственным критерием является именно невербальный способ их формирования. И действительно, любое подобное доказательство основано на проведении соответствующего невербального следственного действия, т. е. в его основе лежат не методы расспроса (диалога), которые присущи, например, допросу или очной ставке, а другие способы получения доказательственной информации. Так, при осмотре или освидетельствовании – это в первую очередь наблюдение, при обыске – это наблюдение в совокупности с определенными мануальными элементами (открыванием шкафов, ящиков, хранилищ, обнаружением тайников и пр.) и т. д.

Итак, в протоколах следственных действий фиксируются сведения о результатах невербальных способов познания, используемых в досудебном производстве, посредством зрительного (иного невербального) восприятия объективной реальности и формирования соответствующих гностических мысленных образов.

УДК 343.98

В.В. Савченко, А.П. Пацкевич

ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРИЗВОДСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Вопросам организации взаимодействия в теории криминалистики давно уделяется внимание. Еще в 1925 г. известный российский криминалист В.И. Громов затрагивал некоторые проблемы организации взаимодействия следователя и органов дознания. Позднее в работах И.И. Басецкого, Р.С. Белкина, И.Ф. Герасимова, В.А. Жбанкова, Г.Г. Зуйкова, В.М. Логвина, Н.И. Порубова, В.П. Шиенка и др. были сформулированы основы теории взаимодействия следователя и органов дознания, разработаны базовые рекомендации по его организации.

В последующих трудах продолжались попытки развития ранее разработанных положений и практических рекомендаций. Однако во всех научных публикациях и диссертациях исследуются лишь общие вопросы организации взаимодействия названных субъектов на различных этапах предварительного расследования, как правило, без учета усло-